

Мать и я шли молча. Мы держались за руки, но наши сердца были бесконечно далеки друг от друга. У матери были такие же волосы и глаза, как у Трейси, но если в глазах Трейси светилась кристальная чистота, то материнские давно помутнели. Время оставило на её лице глубокие борозды, она выглядела пугающе старой.

Мы могли бы доехать на машине, но отец и мать не желали тратить лишние деньги, поэтому решили идти пешком. Не знаю, сколько мы прошли, но я выбился из сил. Мне отчаянно хотелось остановиться и передохнуть, но я боялся. Всего несколько минут назад, когда я замедлил шаг, отец осыпал меня проклятиями, называя ублюдком, который не унаследовал от него ни единой хорошей черты.

Мать всё это время хранила молчание. Ей не было до меня никакого дела, она словно не слышала слов отца. Она даже не попыталась его остановить. Разве, называя меня ублюдком, отец косвенно не оскорблял и её? Ах, эти люди не заслуживают того, чтобы я называл их родителями.

Я шел через силу. В голове крутилось множество мыслей. В приюте было куда лучше, там я хотя бы не чувствовал себя таким жалким. Наверняка бабушка с дедушкой любили меня куда больше, чем эти двое. По крайней мере, они не стали бы меня оскорблять и игнорировать.

Говорят, в мире есть две вещи, на которые нельзя смотреть прямо: на солнце и на человеческую душу.

Мы вошли в небольшой лесок. Он был полон мрака, и, вглядываясь в чащу, я заметил множество алых глаз, следящих за нами. Черные перья падали на землю, словно дождь.

Ха, это мои друзья.

Наконец мы добрались до дома — старой деревянной хижины, которая давно пришла в упадок. Холодный ветер раскачивал шаткую дверь, заставляя её жалобно скрипеть.

— Ну надо же! Я просила тебя нарубить дров и сделать новую дверь, а ты и ухом не ведешь, целыми днями только и делаешь, что прикладываешься к бутылке. Ты вообще собираешься жить дальше? — мать наконец подала голос. Она смотрела на разваливающуюся дверь с нескрываемым презрением.

— Заткнись, дрянь! Что ты понимаешь? Ну пью я каждый день, и что? Я тебя убил, что ли? — отец мгновенно рассвирепел и швырнул бутылку прямо в мать. Она, словно ожидая этого, ловко увернулась.

Бутылка с грохотом разбилась о землю. Глаза матери налились кровью.

— Ты с ума сошел? — прошипела она, глядя на него с ненавистью. — Я столько лет тянула этот

дом на себе, глотала обиды, пока ты пропивал жизнь! Я работаю, я зарабатываю деньги, ты хоть представляешь, как мне тяжело? Кроме выпивки тебя вообще что-нибудь интересует?

— Закрой пасть!

Я смотрел на них с холодным безразличием. Как же это смешно — словно наблюдаю за представлением в обезьяннике.

Я уже представлял, какой будет наша жизнь дальше. Настоящий кошмар.

Не желая больше слушать их перебранку, которая только пачкала мои уши, я направился прямо в дом. Теперь это мой дом. Принимать его я не хотел, но выбора у меня не было — с фактами приходится считаться.

Без брата Пирсона рядом я должен стать сильнее. Я больше не тот Джокер, который пять лет назад плакал в приюте.

Без Трейси я должен во что бы то ни стало выжить. Мы обязательно встретимся, я обещаю. Я найду тебя.

В конце концов, Безумный Шляпник очень любит свою Алису.

Я оглядел обстановку. Мебель была настолько убогой, что я сомневался, можно ли назвать это домом. Приют был в тысячу раз лучше!

Я растерянно смотрел по сторонам. Пол был грязным и усеян пустыми бутылками. Интересно, насколько сильно этот человек пристрастился к алкоголю?

Присмотревшись, я окончательно потерял интерес к этому месту. Где бы ни находились эти люди, их грязь не скрыть. Их души уже осквернены, так что в любом месте они будут лишь источником мерзости, не так ли?

— Джокер, иди наверх, вторая дверь слева — твоя, — бросила мать, войдя в дом с мрачным лицом. Я бросил на неё взгляд, буркнул спасибо и поднялся по лестнице. Комната оказалась простой, но, в отличие от первого этажа, довольно чистой — видно, что здесь кто-то прибрался. В сердце внезапно разлилось тепло.

Я лег на кровать и уставился в потолок. Снизу доносились крики и грохот бьющейся посуды. Боже, как же это раздражает.

Не знаю, сколько я так пролежал, но когда шум стих, уже стемнело. Я лишь услышал чьи-то всхлипывания.

Звукоизоляция здесь никудышная.

Я не собирался их жалеть. Какое мне дело, живут они или умирают? В конце концов, это они довели меня до безумия, разве нет? Им стоит задуматься о том, что рано или поздно они получат по заслугам.

Я с раздражением схватился за свои огненно-рыжие кудри. Как же здесь давит эта атмосфера! Я смотрел в окно на луну, чей бледный свет проникал в мою комнату, и вспоминал улыбку одной девушки. Она сияла в моей памяти, словно лунный свет, освещая сердце и оберегая меня в ночной тишине.

В этой непроглядной тьме она дарила мне бесконечное тепло. И пусть её руки были в грехах, она была чиста, как ангел.

Словно... каждый ангел, приходя в этот мир, совершает свои ошибки.

Ссоры, разбитые вещи, ненависть — кажется, только этим и был наполнен наш дом.

Я почти каждую ночь не мог уснуть. Слушая этот хаос внизу, я чувствовал, как моя душа начинает медленно черстветь.

Почему они... почему они просто не умрут? Только воздух портят. Наверное, вы решите, что у меня совсем нет совести.

Они же мои родители, почему я желаю им смерти?

Ха-ха-ха! Вы когда-нибудь пробовали быть первой жертвой в их бесконечных ссорах? Когда тебя избивают до полусмерти, а твои стоны никто не слышит? Когда ты боишься кричать, когда у тебя нет денег на врача, а они не дают тебе еды? Ты просто терпишь и знаешь, что в любой момент можешь умереть. В их глазах ты — ничтожная скотина, ты даже не человек.

Если вы всё это понимаете, тогда и приходите рассуждать о моей совести.

Я прожил в этом доме три года, которые были хуже смерти.

И вот настал тот день.

Я помню всё в деталях. Шел проливной дождь, небо затянули тяжелые тучи. Вороны кружили над хижинкой — я любил этих друзей, их алые глаза всегда приносили мне покой. Ха-ха-ха, я

сошел с ума, ну и что? Самые великие люди — безумцы.

Весь мир казался поглощенным тьмой. Мне нравилось думать, что мир будет разрушен — он не заслуживает существования. Он приносит страдания стольким несчастным, позволяя процветать алчным. Он — лишь оружие в руках подлецов!

В тот день родители ссорились сильнее, чем обычно. Боясь, что мне снова достанется, я забился под кровать. Поступок наивный, но мне так было спокойнее.

Ж-ж-ж-ж!

Когда я услышал этот звук, сердце ушло в пятки. Я впервые слышал такое... это был звук бензопилы!

Внезапный крик заставил меня сжаться ещё сильнее. Это был голос матери. Я, кажется, понял, что происходит. Я закусил губу до крови, стараясь не издать ни звука. Этот пьяница взялся за бензопилу!

Кап-кап... В комнате стало так тихо, что я слышал каждую падающую каплю. В воздухе разлился запах крови. Дверь в мою комнату с грохотом распахнулась. Я видел только его обувь — она была вся в крови.

— Джокер... хватит играть с отцом в прятки. Выходи, я приготовил для тебя маленький сюрприз, — он издал жуткий, нечеловеческий смех.

Я почувствовал исходящий от него запах спиртного.

Только идиот выйдет на верную смерть, подумал я, обливаясь холодным потом. Я не знал, обнаружит ли меня этот псих.

Затем я услышал, как пила вонзается в дерево. Звук был таким оглушительным, что, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки.

— Джокер... непослушные дети должны быть наказаны.

Я дрожал, обуреваемый первобытным страхом.

— Нашел тебя.

Внезапно прямо перед моим лицом возникло искаженное гримасой лицо, забрызганное алой кровью. Казалось, он наслаждается этой резней.

Он поднялся и с силой вонзил пилу в кровать, разрубив её надвое. Деревянные обломки рухнули прямо на меня, придавив к полу. Я не мог пошевелиться.

— Ну и что мне с тобой делать, Джокер? — пробормотал он, размахивая пилой. Его глаза, налитые кровью, ослепила жажда убийства.

Я пытался издать хоть какой-то звук, но тяжесть кровати сдавила грудь, словно удавка.

— Тогда для начала отпилю тебе ногу, чтобы ты не убежал.

Он снова занес пилу. Резкая, невыносимая боль пронзила ногу. Я почувствовал, как хлещет кровь, услышал хруст ломающейся кости.

Он безумно расхохотался.

— Да! Вот так! Кричи, кричи от боли, как та дрянь!

Я из последних сил толкнул обломки кровати. Не спрашивайте, откуда взялись силы — я сам не знаю. Увидев, что я выбрался, он взбесился и начал хаотично кромсать пол. Доски, и без того гнилые, не выдержали — образовалась дыра, в которую я провалился. Из-за вечного голода я был щуплым, поэтому проскочил легко, а вот ему было сложнее. Приземлившись на первом этаже, я почувствовал, как трещит позвоночник. Прямо передо мной лежала голова матери, её остекленевшие глаза смотрели в пустоту.

Я не мог позволить себе раздумывать. Я бросился бежать, опираясь на одну ногу — вторая была почти отпилена, но я будто не чувствовал боли. Я просто хотел сбежать из этого ада. Вороны из леса летели следом, окружая меня, но, кажется, у них не было злых намерений — они просто помогали скрыть меня от чужих глаз.

Я знал, что эти вороны — мои друзья.

Ливень не прекращался, гремел гром, словно пытаюсь расколоть небо надвое. Дождь смывал грязь с этого мира, очищая всё на своем пути.

Не знаю, как долго я бежал. Боль вернулась с новой силой. Казалось, я потерял столько крови, что смерть уже дышит в затылок.

Как же обидно... Я так и не увидел свою Алису, не узнал, жив ли брат Пирсон...

В голове мелькали воспоминания. Приют. Жизнь там была куда лучше, не правда ли?

По крайней мере, там я не умирал бы в одиночестве, никому не нужный... Дождь заливал глаза, тело стремительно остывало. Так вот как я умру?

Глухой удар. Моё измученное тело рухнуло на землю. Хриплый крик воронов удалялся. Они бросили меня?

Ха-ха-ха, Джокер, ты совсем с ума сошел? Это же вороны! То, что они не начали клевать твой труп — уже одолжение, а ты надеялся, что они не бросят тебя? Смешно, правда? Ах да, я же псих.

Никто не хочет войти в мой мир и понять меня. Кто станет тратить силы на безумца? Кто?

Отчаяние — самое страшное чувство.

— ...Откуда здесь человек? И столько крови...

Мой слух начал угасать, я уже ничего не понимал.

Смерть... или жизнь? Я не мог выбрать ни то, ни другое. Я боялся умереть, но боялся и жить.

Я думал, что умру, но Бог решил сыграть со мной очередную злую шутку.

Я очнулся от невыносимой боли — она разливалась от ноги по всему телу.

— Ты очнулся? Прости, твоя кость была полностью раздроблена, поэтому я заменила ногу на механическую... — передо мной стояла золотоволосая девушка с пронзительными голубыми глазами. На ней была оранжевая футболка, темно-синий комбинезон и коричневая шапка с очками. Она была так похожа на мою Алису.

— Трей... си... — я хотел произнести это имя, но голос не слушался. К горлу подкатил ком, а по щекам покатились холодные слезы.

Алиса... Безумный Шляпник нашел тебя.

— Ой-ой! Ты чего плачешь? Я не нарочно, я просто... если бы не заменила, ты бы умер! — девушка в панике полезла в карман комбинезона за платком, чтобы вытереть мои слезы.

Я улыбнулся.

— Спасибо, — только и смог я сказать. Глядя на неё, я понял, что у неё всё хорошо. Повсюду были роботы и механизмы — похоже, она осуществила свою мечту и стала механиком, как её отец.

Мне больше незачем вторгаться в её жизнь. Алиса покинула Страну Чудес и вернулась к своей реальности. А я — лишь маленький псих, я не имею права ей мешать.

Бывает такая любовь, которая рождается из чувства собственной неполноценности.

— Кстати, как тебя зовут? Я Трейси, а тебя? Ты так похож на моего друга детства, моего единственного друга. У него были такие же огненно-рыжие кудри, — Трейси смотрела на меня с надеждой.

Я промолчал.

Алиса, видишь? Я всегда узнаю тебя безошибочно.

— Не знаю, как он сейчас. Наверное, ненавидит меня за то, что я рассказала полиции о лаборатории в том приюте... Из-за меня он косвенно потерял бабушку и дедушку, а потом его вроде бы забрали родители... — она говорила всё тише.

Мне так хотелось обнять её, как раньше. Но я не мог. Я не имел права быть таким эгоистом.

— Джокер, — я опустил глаза. Она повторила моё имя несколько раз, и в её взгляде я увидел разочарование.

— Хорошо, Джокер. А как ты получил такую травму? — спросила она с любопытством.

Я посмотрел на свою механическую ногу.

— ...Прости, не могу рассказать.

— Ничего... это я была бестактна, — она улыбнулась и покачала головой. — Ты пролежал без сознания десять дней. Родные, наверное, волнуются?

Родные? Ха! Тот убийца? Тот маньяк, который чуть не лишил меня жизни? Разве он достоин называться моей семьей?

— Да, мне пора возвращаться, — сказал я и попытался встать. Но я никогда не ходил на механической ноге, поэтому тут же рухнул. Трейси бережно подхватила меня.

— К этому нужно привыкнуть. Побудь здесь ещё несколько дней? — в её глазах читалась тревога. Я кивнул. Пришлось согласиться, иначе я бы и шагу не сделал.

Следующие несколько дней Трейси учила меня ходить. Я постепенно привыкал к протезу.

— Знаешь, до тебя одна женщина просила меня установить ей восемь механических рук, как у паука. Я была в шоке от такой просьбы. Она сказала, что выступает в цирке уродов. Я ненавижу цирки, но мне пришлось помочь — деньги нужны всем, правда? — в её голосе звучал сарказм.

Да, деньги нужны всем. Разве можно купить добродетель? То, что они называют добродетелью — лишь лицемерная маска. Все знают, что они говорят одно, а делают другое. Когда ты умираешь от голода, поможет ли тебе твоя «высокая мораль»? Нет. Всем нужны деньги, всё пахнет медью.

Поблагодарив её за заботу, я собрался уходить. Она настаивала, что проводит меня. Я не мог отказаться, поэтому просто шел вперед, механически переставляя ногу.

Я чувствовал, что она смотрит мне в спину.

— Джокер, маленький псих, — вдруг окликнула она.

Я замер. Внутри всё сжалось от боли. Я не мог обернуться... ни в коем случае. Я боялся, что если увижу её лицо, то не выдержу.

Ещё один взгляд — и я пропаду навсегда.

Я побежал. Простите мне мою трусость, но я не хочу никого тянуть за собой, особенно тебя, моя Алиса.

Ах... почему так больно? Словно тысячи нитей стянули моё израненное сердце и начали рвать его на части.

Я отчаянно искал место, где мог бы запереться, превратить свою жизнь в тюрьму.

Я не хочу причинять никому боли, не хочу, чтобы причиняли мне. Но почему все вокруг так стремятся меня ранить? Что я сделал не так? Родился на этот свет? Почему каждый раз, когда я на грани смерти, небо дает мне надежду, а потом разбивает все мечты разочарованием? Чем я так провинился перед Богом, что он так со мной обращается?

Ха-ха-ха, Бог? Те, кто верят в него — глупцы. Бог — лишь выдумка, инструмент для подавления мыслей, созданный для укрепления власти. Иисус, сын Божий — разве это не ложь?

Я бежал без цели. Наступила ночь, и я понял, что снова прибежал к той самой хижине.

Я криво усмехнулся. В окне горел свет. Монстр внутри меня ревел, требуя убить его! Убить!
Моя жалкая жизнь — целиком и полностью его заслуга!

Если ты создал меня, почему не мог относиться по-человечески?

Вороны начали кружить вокруг, издавая радостные крики.

<http://bllate.org/book/18723/1810062>